

КОНЬ ОГНЕННЫЙ

Татьяна МАТУШ

12+

Татьяна Матуш
Конь Огненный

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Матуш Т.

Конь Огненный / Т. Матуш — «ЛитРес: Самиздат», 2018

В 140 году н.э. был написан Апокалипсис, мрачное пророчество, от которого вздрогнуло человечество. В 1902 году Григорий Гершуни создал террористическую организацию эсеров-бомбистов, поставивших целью дать человечеству счастье путем уничтожения его отдельных представителей. В 2020 году Глеб Самара и Женя Кореец остались без увольнительных. Что между ними общего? Может быть, и ничего. Но уже скачет красный конь апокалипсиса, которого решили оседлать полковник фон Шромберг по прозвищу "Дьявол в пенсне" и никому доселе неизвестный львовский изобретатель Иван Семчин. Ждет в тюрьме смертного приговора графиня-революционерка Мария Адонаньева и плетет свои невидимые сети Пятый Департамент (контрразведка). Что-то будет?..

Содержание

ПРОЛОГ	5
1. Совершенно секретно	9
2. Господа офицеры	16
3. Английский костюм – и пистолет	23
4. Джеймс Бонд на общественных началах	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

ПРОЛОГ

...Мотор несся с бешеной скоростью, почти двадцать две мили в час. Четыре поршня, составлявшие его сердце, ходили ровно и сильно, а дорога впереди была пустынна, как это и положено без четверти пять утра в добропорядочной немецкой провинции... «Дюркопп Книппердоллинг», спортивный четырехместный автомобиль, любимое авто прусских генералов, здорово пылил, лето выдалось сухим и жарким, но дремавшему на широком заднем сидении господину было вполне комфортно. Помимо прочих новинок: частичной брони и совершенно новых, изумительной прочности шин мотор получил совершенно невероятную вещь: пружинные колеса, сделавшие его ход плавным, даже для совсем не идеальных проселочных дорог.

Водитель, молодой серьезный парень, вел, не отрывая глаз от дороги и, не смотря на скорость, успевал еще поглядывать по сторонам настороженно и хмуро. Причины для плохого настроения у рядового Гюнтера Либке были более чем серьезные. И та, что он не успел выспаться, стояла в списке далеко не первым номером.

Начать хотя бы с того, что разбуженный ни свет, ни заря рядовой, едва успев умыться, оказался... в офицерском казино гарнизона, где оказаться никак не мог, солдат и собак сюда не пускали. Впрочем, для любимой левретки жены генерала еще могли сделать исключение... А вот Гюнтеру не светило ни при каком ветре, разве что при ураганном, если бы здание казино вдруг начало рушиться на головы господ-офицеров, и нужно было их спасать. Да и тогда, кто знает, чего удостоился бы Гюнтер: кружки шнапса и внеочередной увольнительной за спасение, или гауптвахты за нарушение субординации. Скорее всего и того и другого. Причем началось бы совсем не со шнапса. Герр полковник Отто фон Шромберг был большим поклонником дисциплины и музыки Вагнера. Причем, именно в таком порядке.

Понятно, что, увидев тщательно отутюженную форму, приглаженные волосы и знаменитое позолоченное пенсне, Гюнтер решил, что умер и попал в ад. Небо на землю, впрочем, не рухнуло. Во внутренние помещения офицерского клуба рядовой Либке все же не пустили. Разговор произошел прямо в вестибюле, между конторкой и большим фикусом в кадке.

– Гюнтер Либке, – задумчиво произнес полковник, покусывая длинный мунштук великолепными зубами. Сигара, кстати, не дымила.

Услышав свою фамилию из уст самого фон Шромберга, Гюнтер так изумился, что сумел лишь вытянуться во фрунт и шелкнуть каблуками.

– Служите полгода. С весны водите автомобиль генерала. Нареканий по службе... – полковник на несколько секунд задумался, даже прикрыл глаза, словно листая невидимое досье, и за эти минуты Гюнтер чуть не отдал Богу душу, спешно перебирая, где мог проштрафиться. – Нареканий не было, – закончил Шромберг и Гюнтер перевел дух. Заметив волнение солдата, обладатель самого страшного пенсне под небом Германии, невольно улыбнулся.

– Вы родились в Померани?

– Так точно, господин полковник, – шелкнул каблуками Гюнтер.

– Ваши родители?..

– У них хутор, господин полковник. Свиньи, три коровы, небольшая маслобойка...

Фон Шромберг покивал.

– Родственников в Польше, Эльзасе, за пределами империи нет?

– Никак нет, господин полковник.

– Я знаю, – кивнул тот, – со студентами и прочими... неблагонадежными личностями приятельства не водили?

– Никак нет, господин полковник, – отрапортовал Гюнтер менее лихо, слегка удивленный направлением, которое принял разговор.

– Хорошо, – произнес Шромберг. Немного помолчал. Гюнтер терпеливо ждал, не выказывая волнения.

– Сейчас вы поступите в распоряжение к некоему господину... назовем его, скажем, господин Мюллер. Вашей задачей будет благополучно доставить его на мызу Янеда. Это в Эстляндии. Нужными документами вас снабдят.

Не зная, как на это нужно реагировать, Гюнтер снова щелкнул каблуками.

– Это очень важное задание. Возможно, вас попытаются остановить.

– Остановить? – рискнул переспросить Гюнтер, – Как?

– Способ мне неизвестен. Но на всякий случай автомобиль, который вы поведете, оснастили специальной шиной с режущей кромкой впереди.

– На случай, если поперек дороги протянут проволоку? – догадался Гюнтер.

– Ты сообразительный парень, – одобрительно улыбнулся Шромберг, неожиданно переходя на «ты», – значит, я не ошибся, выбрав именно тебя. Да, может быть проволока. Может быть что-то еще.

– Бомба? – предположил Гюнтер.

– Откуда такие мысли, юноша? – насторожился полковник.

Гюнтер пожал плечами, слегка погрешив против безупречной выправки:

– Но ведь такое случается, господин полковник.

– Случается, – сухо подтвердил Шромберг, – так вот, рядовой Либке. С твоим автомобилем и с господином, которого ты повезешь... а, в особенности, с портфелем, который повезет он, ничего подобного случится не должно. Если ты что-то недопонял – за безопасность господина... Мюллера и его портфеля ты отвечаешь головой.

– Так точно, господин полковник. Отвечаю головой.

– Защищать его будешь как маслбойку своего отца.

– Так точно.

Стекла золотистого пенсне блеснули в свете утреннего солнца.

– На тот случай, если все же случится то, что случиться не должно... ни господин Мюллер, ни, в особенности, его портфель не должны попасть в чужие руки живыми и целыми. Ты меня понял, Гюнтер?

Бог знает, как это случилось – вот секунду назад стекла пенсне были совершенно непроницаемые, успешно пряча от рядового Либке выражение глаз фон Шромберга. И вдруг стекла как будто исчезли, и на Гюнтера глянули темные, холодные и цепкие глаза полковника. Этот взгляд напоминал мертвую хватку бульдога. Гюнтер немедленно и обильно вспотел, припомнив всю свою жизнь до момента крестин. Жуткий взгляд не отпускал, сжимая Гюнтера не хуже гидравлического пресса... Не помереть бы, подумал рядовой Либке.

– Так точно, господин полковник, – выдавил из себя Гюнтер, отстраненно удивляясь неземному спокойствию своего голоса и сухому щелчку каблуков.

– Ты мне и в самом деле нравишься, – произнес Шромберг. Его знаменитый Взгляд снова спрятался за стеклами, – Документы и гражданскую одежду получишь сейчас же. Оружие... Пистолет системы «Вальтер» тебя устроит?

– Вполне, господин полковник. Хороший пистолет. Надежный.

– Замечательно. Значит – «Вальтер». Выезжаете через десять минут. Господин Мюллер будет ждать в машине. Ты можешь идти.

Гюнтер еще раз вытянулся и, развернувшись кругом, рванул из казино, словно там сидел сам дьявол. Впрочем, почему «как»?

...Гюнтер несся по узкой проселочной дороге, изредка поглядывая на пистолет, брошенный на переднее сиденье. Господин Мюллер его, конечно, увидел и одобрительно кивнул. Похоже, он не был осведомлен о некоторых пунктах инструкции, которую получил Гюнтер. Знает ли он, что если возникнет опасность захвата, Гюнтеру приказано его пристрелить? Из

этого самого пистолета? А бумаги – уничтожить. Знает ли господин Мюллер, что на этот случай портфель снабжен взрывным устройством? Впрочем, об этом он знает наверняка, во избежание, так сказать, несчастного случая. Значит, по идее, должен бы догадаться и об остальном. А вот, пооди ж ты, косился на «Вальтер» с одобрением.

Выстрел прозвучал внезапно. Такие вещи всегда случаются внезапно, даже если готов, и ждешь от судьбы именно этого.

Целились в водителя, пассажир нужен был живым... но водитель инстинктивно пригнулся – рефлекс у парня были отличные, не зря же именно он водил мотор. А вот пассажир не успел и кусок металла, разбив очки, влетел ему в глаз.

Того, что драгоценный груз рухнул на сиденье без признаков жизни водитель не заметил. Не до того было – он спасал свою жизнь. Вдавлив газ, он потянулся за "Вальтером". Но, похоже, богам тоже было не до того. Еще два выстрела отвлекли его внимание, а одна пуля даже чиркнула по плечу, обжигая короткой, злой болью. Под колесо подвернулся камень, машину подбросило. Руль вывернуло из рук, мотор качнуло. Водителя бросило на дверцу и не слабо приложило... Больше он уже ничего не мог, только помолиться. Но, как уже говорилось, боги были заняты.

– Что делать с трупами? – деловито спросил невысокий худой паренек. Он носил потертую блузу рабочего, и чувствовал себя в ней вполне свободно, но руки, выглядывающие из рукавов, выдавали его с головой (пardon за каламбур). Узкие кисти и длинные пальцы без мозолей, с аккуратными, чистыми ногтями, принадлежали кому угодно, только не работяге.

– Да оттащи в кусты, – пожал плечами второй, чуть старше, в тужурке студента.

– Найдут, – возразил младший, – а нам еще верст сорок пять, а то и все пятьдесят до границы. Перехватят.

– Да брось, – отмахнулся «студент», – в такой карете мы будем там раньше, чем здешние пейзажи начнут вторую дойку.

– Это если она поедет.

– А что, может быть как-то иначе? Мы же договорились, что мотор останавливаем аккуратно. Петр разработал отличный план... – студент осекся и невольно покосился на обочину, где худенькая, темноволосая девушка безуспешно пыталась нащупать пульс на безжизненной руке четвертого члена группы.

– Держу пари на пять кило динамита против столовой ложки, их маршрут был оговорен заранее и отслеживался, – произнес младший, – я буду не я, если они не должны были звонить из каждого городка, где есть телефоны.

– И что ты предлагаешь? – спросил студент.

– Нужно разделить содержимое портфеля на три части и уходить по трем разным направлениям. Тогда есть шанс, что хотя бы кто-то доставит бумаги по назначению.

– Хорошая идея, – с глумливым одобрением хмыкнул студент, – вместо одного шанса предоставить местной охранке целых три. Когда нас схватят за хомок, нужно не забыть сказать, кто сделал им такой подарок. В благодарность получишь отдельный номер в отеле «Моабит» с ванной и педикюрным оператором...

– Хватит! – резко оборвала девушка. Она выпрямилась, инстинктивно оттерла руку об юбку, и это движение сказало молодым людям все остальное.

– Мертв, – подтвердила она, – поймал пулю прямо в сердце, поэтому и крови почти нет.

– Жаль Петруху, – сказал студент.

– Все там будем, – пожал плечами «рабочий», подергал что-то внутри автомобиля и выпрямился, отряхивая ладони почти тем же брезгливым жестом.

– Мотор, я так понял, тоже мертв? – спросил студент.

– Мертвее не бывает.

– Аллилуйя!

Девушка насмешливо фыркнула.

– Ну а ты что предложишь?

– Как говорил классик: «все гениальное просто». Толкаем эту колымагу до поворота, ставим на попу, поджигаем...

– Это вроде как – сами с дороги убрались? – сообразил молодой, – а что, это мысль.

– А пупок не развяжется? – сощурилась девушка.

– Да ну, ее ж катить, а не нести, – отмахнулся молодой, – меня другое беспокоит. Портфель. Его все равно будут искать. Он кожаный и полностью сгореть не может. И если среди тех, кто будет обнюхивать машину, найдется хоть один умный человек, он обязательно поймет, что что-то здесь нечисто.

– Забрать бумаги и оставить его здесь? – предложил студент.

Девушка потянула к себе портфель...

1. Совершенно секретно

«Русская палубная авиация?»

– спросил молодой нахимовец.

И горько-горько заплакал...

– Я не Станиславский, но я скажу как он – не верю! – Глеб Рогозин, тридцать два года, летный стаж – почти десять лет, никнейм «Самара» (не по родному городу, как можно было предположить, а по первому летному позывному), бросил свое длинное сухое тело в желтое пластиковое кресло и с намеком потянул носом в сторону кофеварки, – всем наливают?

– Нет, только верующим, – съязвил Женя Ким, для своих – Кореец.

– Ну, тогда вырубай этот агрегат, кофе-брейк отменяется.

– Почему? – удивился Кореец.

– Да потому, что, кроме тебя, верующих тут нет, – пояснил Сергей Тусанин, вихрастый блондин, любимец прекрасных дам по прозвищу «9,5».

Оседлав стул, Женя смерил долгим, внимательным взглядом сначала одного приятеля, потому другого.

– Эники-беники ели вареники, – припомнил он и потер переносицу, – тебе рассказывать, – выбрал он, невежливо ткнув пальцем в Глеба.

– Почему это именно ему? – удивился 9,5.

– А что, ты так хочешь, чтобы я уступил тебе честь схлопотать пять лет за разглашение сведений, составляющих государственную тайну? – лениво улыбаясь, спросил Глеб.

– Да нет. Не горю. Тем более что никакого суда, скорее всего, не будет. Стандартное решение для такой проблемы: «Погиб при исполнении...» Тайна сохранена, и честь мундира не пострадала. И даже пенсию семье выплатят. Да и не так важно, кто из нас распустит язык – хлопнут всех троих. Просто на всякий случай.

– А вот тут ты загнул, – протянул Кореец, – если учесть, сколько стоит обучение военного летчика...

– Сколько бы ни стоило – безопасность государства все равно стоит дороже, – отрезал Глеб.

– Можно подумать, так все серьезно, – протянул Женя, – крутая крутизна... Что такого секретного может быть в нашей палубной авиации? Очередная модификация Су-33? Хорошая машина, не спорю, один из лучших палубников в мире. Но его уже весь мир знает в фас, профиль и даже в разрезе.

– КБ Сухого не имеет к этому самолету никакого отношения, – бросил Глеб слегка в сторону, не сомневаясь, впрочем, что молодой летчик ловит не то, что каждое слово – каждый отдельный звук.

– Значит – Як? Новый Як!? Его все-таки сделали!!? – шумно обрадовался Женя, – но ведь говорили... И министр выступал – финансирование программы прекращено... в связи с бесперспективностью.

– Он соврал.

– Министр?

– А что тебя удивляет? Полагаешь, министр не умеет врать?

– Да нет, – стушевался Кореец, – думаю, он умеет это делать не хуже любого другого. Только – на фига козе баян? В смысле... если бы хотели сбить с панталыку какие-нибудь иностранные разведки.

– Ха! – перебил 9,5.

– Которые интересуются новыми разработками...

– Два ха-ха!

– В области нашей палубной авиации...

– Я уже умер со смеху, – объявил 9,5 и демонстративно отодвинулся от столика. Впрочем, недалеко и, как выяснилось, ненадолго.

– Ты погоди умирать.

– Не переживай, он сейчас воскреснет, – пообещал Глеб.

Покатав в руках белый керамический стаканчик с крепким свежесваренным кофе, Кореец решительно отставил его в сторону.

– Ну, так кто-то из волков сжалится над бедным несчастным мной и таки скажет, что такого глобального произошло в мире, пока я варил кофе.

Самара загадочно улыбнулся и посмотрел на часы. То же движение, с точностью до выражения глаз, немедленно повторил 9,5.

– Через пятнадцать минут, – сказал Глеб.

– Точнее, через четырнадцать минут и тридцать пять секунд, – поправил Сергей, любивший точность.

– Он будет здесь.

– Та-там! – пропел Сергей, изображая фанфары.

– Здесь – это где? – осторожно уточнил вообще-то верующий, и даже слегка суеверный, но боявшийся поверить Кореец, – на базе?

– На палубе.

Самара довольно сощурился, наслаждаясь произведенным эффектом: у младшего товарища, в натуре, отвисла челюсть.

– Он... – благоговейно выдохнул Кореец, – сядет на палубу «Ярославля»? Летчик-испытатель будет отрабатывать палубную посадку? А почему не в Ейске? И, если все так круто, где все шишки? Адмирал, генералы, министр, представители КБ, журналисты?

Самара и 9,5 переглянулись.

– Скажем? Или еще помаринуем?

– Да ладно, смотри, он сейчас сам взлетит без катапульты.

– Совершенно секретно, – напомнил Сергей.

– Разрешите напомнить, господа авиаторы, что мы вторые сутки в море. Увольнительные отменены уже почти две недели. И кому я в таких условиях могу проболтаться? Рыбам? – оскорблено спросил Женя.

– Ну... возможны варианты. Говорят, бундесы разрабатывали схему с применением дрсированной кильки.

– Для этого кильке были хирургическим путем имплантированы ухо, речевой аппарат и любовь к немецкой родине.

– Да ну вас, – оскорбился Женя, – чтоб вам всю оставшуюся жизнь пить «Наполеон» и этой самой килькой закусывать.

– Фу, как пошло, – не сговариваясь, протянули авиаторы и снова посмотрели на часы.

– Семь минут. Идем встречать?

– Думаешь, он будет так точно? Брось. Когда Бог создавал на земле порядок, авиация была в воздухе.

– Но все же опоздать будет невежливо.

Уже вставая, господа летчики оглянулись на слегка обиженного и насмерть заинтригованного Женю.

– Никого не будет, – сжалившись над другом, проговорил Глеб, – ни министра, ни телевидения. Все абсолютно секретно. Новый самолет сядет на палубу «Ярославля» и в течение всего лета будет проходить здесь тестирование. Сформирована летная группа под руководством майора Сибирцева.

– Он пилотирует? – ахнул Женя, – Сам?

– Нет, тещу попросил. Конечно сам. Не вздумай просить автограф, он этого не любит. И, самое главное. В летную группу войдут двое. Те, кто покажет наилучшие результаты на видеотренажере.

– Что, и я могу?

– Почему бы нет? – пожал плечами Глеб, – из всех нас ты – самый молодой, насколько я знаю, с компом у тебя полный симбиоз. Игрушки до сих пор любишь. Думаю, у тебя неплохой шанс.

– А... допуск?

– Вот чудак-человек! То, что ты здесь, как раз и означает, что контроль лояльности ты прошел, и допуск у тебя есть. У всех нас он есть. Ну что, идем?

Пепельное небо ближе к горизонту собиралось тяжелыми складками туч. Погода устанавливалась, самая что ни на есть, нелетная. Тем не менее, народ на палубе расходиться не спешил, хотя объявленное время прибытия уже давно миновало. Но это там, в закомплексованной Европе джентльмен ждет джентльмена десять минут, а потом идет по пабам... или по бабам. У нас, если надо, сутками ждать будут. А потом пойдут навстречу.

...Тот, кого так напряженно ждали, появился внезапно, и совсем не с той стороны, к которой было приковано большинство встревоженных взглядов. На фоне стремительно темнеющего неба нарисовался силуэт, живо напомнивший кадры из какого-нибудь футуристического блокбастера: этакое оригами в стиле «милитари», грубоватое и изящное одновременно. Две хвостовые балки с хищно торчавшими стабилизаторами, выдвинутые далеко за границы среза сопла придавали ему вид мощный и стремительный. Слегка «сплюснутый», самолет скользил в воздушном потоке легко, словно двадцать тон веса были просто ничем, тьфу – и растереть. Он приблизился так быстро, что никто не успел ничего не только сказать, но даже подумать, заложил немислимый, невозможный с точки зрения аэродинамики вираж, снова пропал из виду, потом вдруг вынырнул откуда-то прямо над палубой, на одно длинное мгновение завис над ней, выпустив шасси, и мягко прыгнул вниз... сел... оказавшись вдруг намного больше, чем казался. Откинулся прозрачный купол.

Женя со щенячьим восторгом смотрел, как из самолета выбирается, а потом слегка тяжеловатой, «медведистой» походкой приближается к ним человек-легенда, летчик-испытатель Алексей Сибирцев. Подходит, отдает честь, делает короткий рапорт...

– Почему так долго? – спросил Дед.

– Обходил грозу.

– Как она? – Дед мотнул головой в сторону самолета. Вопрос был совершенно не по уставу, но не задать его Дед не мог. Военный флот ждал эту машину, очень ждал...

– Ласточка, – с нежностью произнес летчик.

Женя торопливо повернулся – и чуть не взвыл от разочарования: команда морячков споро накрывала сверхсекретную машину бесформенным брезентовым чехлом.

...Женька больше любил агрессивную, наступательную тактику воздушного боя, но вражеский летчик с первых же мгновений умудрился загнать его в глухую оборону. Постоянные атаки в пики и на огромной скорости не оставляли выбора – только уходить, только уворачиваться, только спасаться, стараясь не стать мишенью.

Сначала Кореец еще трепыхался, пытаясь переломить ход боя и занять привычную активную позицию. Сейчас, спустя целую вечность... минуты четыре или шесть, эти намерения казались смешными. Продержаться бы, немного продержаться... Или хотя бы живым уйти.

Не вышло ни того, ни другого. Женьке показалось, что удалось зайти врагу в хвост, и, со злой радостью уже начал ловить его в прицел, когда тот виртуозно ушел, заложил невозможно-крутой вираж, оказался в хвосте уже у Корейца и, такое впечатление – выпустил тор-

педы не целясь. Но это же было совершенно невозможно, системе активного наведения требуется время! немного – но... вот именно этого временного промежутка Кореец и не ощутил. Заход в хвост – и сразу атака.

Додумать интересную мысль он не успел. Его убили...

– У тебя такое лицо, словно ты похоронил всех родственников одновременно, – Самара подошел неслышно... Или это Женя так глубоко нырнул в свои мысли, что не услышал его шагов.

– Почти попал, – кивнул Кореец, – я хороню себя.

– Достойная причина для скорби, – согласился Самара с серьезным лицом и улыбкой, спрятанной в глубине карих глаз, – а ты не поторопился? Выглядишь ты, в общем, неплохо...

– Меня сделали, – угрюмо признался Женя, – эта долбаная компьютерная программа сделала меня как котенка! И, главное... я даже не понял – как.

– А-а. Женя, а ты передумашь умирать, если я скажу, что сделали не только тебя?

– Кого еще? – вскинулся тот, глядя на Самару с плохо скрытым недоверием, – ты хочешь сказать, что нашелся еще один такой лох?

– И даже не один, – посмеиваясь, по-своему обыкновению, кивнул Самара.

– Ты?! – потрясенно уточнил Женя.

– Я, – совершенно спокойно подтвердил Самара, – И 9.5. И Змей. И Бандит... И, между прочим... Просто так, на случай, если тебе интересно – это была не компьютерная программа. Ты сражался с человеком. С очень опытным человеком. И он решил, что бой ты провел, в общем, неплохо.

– Ты хочешь сказать?..

– Он сам отбирал кандидатов, – кивнул Самара, – самый лучший способ выбрать достойных, правда?

– Я дрался с Сибирцевым? – Женя выглядел таким ошеломленным, словно ему сообщили, что он только что имел честь быть представленным архангелу Михаилу, – И он считает, что мои беспомощные трепыхания – это неплохо?

– Ну, ему виднее.

– Конец света, – Женя взъерошил широкой, короткопалой ладонью черные, жесткие вихры, – Ну хорошо, то, что мы все в глубокой... матрице, я понял. А когда мы узнаем, кто Избранный?

– А прямо сейчас, – Глеб мотнул головой в сторону двери в кают-компанию, которая как раз открывалась, пропуская экзаменационную комиссию из одного человека.

Третью неделю стояла изумительная погода: температура воздуха колебалась между + 20 и + 25, а небо сияло праздничной чистотой, словно тут поработал Мистер Протер на пару с этим чудиком, который ходит в гости не с бутылкой, а с пакетом стирального порошка. Господа авиаторы втихомолку крестились, полагая, что такая невиданная благодать бывает лишь перед грандиозными неприятностями. Расхождения во мнениях были лишь по типу неприятностей. Рассматривались: визит адмирала, который устроит всем разнос, встреча с чужой подводной лодкой, которой не хватит ума проскочить мимо них тихо, или просто некачественный паштет, от которого «Ярославль» потеряет боеспособность, потому что медвежья болезнь скосит весь экипаж. Последнее было весьма вероятным.

Прославленный ас Сибирцев на словах боролся с суевериями и жестко пресекал паникерские настроения... но булавку «от призора» к воротнику прицепил. А Дед сделал вид, что ничего не заметил.

– Наверное, сам что-то такое носит, – с усмешкой подумал Кореец, бросив короткий взгляд на приборы, и снова – на неподвижную линию горизонта.

Это был самый обычный тренировочный полет на отработку вертикального взлета и посадки. Хотя Женя поостерегся бы употреблять слово «обычный», раз уж речь зашла об ЭТОЙ машине. «Як-207-Гроза» был каким угодно, только не обычным палубником. С того дня, как Сибирцев присмотрелся к двум «избранным», и начал им немного доверять, позволяя иногда «подстегнуть» его обожаемую ласточку, прошла всего пара недель, а они уже умудрились разнести вдребезги семь мировых рекордов скороподъемности и высоты полета. Причем, ни Самара, ни Кореец, ни сам Главный конструктор самолета не заметили, чтобы Ласточка хоть чуть-чуть напрягалась.

– Фантастическая машина, – бросил Глеб, словно отвечая на мысли Жени. И немедленно получил суровое:

– Самара, не засоряйте эфир, – с базы.

Глеб улыбнулся. Это был своего рода ритуал – попытка диспетчеров базы привить летчикам подобие железной дисциплины, когда шаг в лево, шаг в право считается побегом, прыжок на месте – провокацией. И демонстративный, слегка позерский игнор этих попыток со стороны самих асов.

Просто такая игра. Все знали, что приказ парни выполняют, а остальное – шелуха от семечек.

Основная программа полета была выполнена, и Самара уже собирался поворачивать на базу... когда появилось ЭТО. Причем, не на РЛС. Глеб мог поклясться, что система обнаружения ничего не засекала.

Эти штуки просто возникли из ниоткуда прямо перед носом самолета. Больше всего они походили на... Да на два топора без топорича, к которым какой-то шутник-извращенец приспособил реактивный движок.

– Ммать! – в шоке выдал Самара, – что за глюк пьяного дровосека?

– Самара, что происходит? Доложите обстановку? Ты там НЛЮ зсек?

– Чтоб я еще понимал, – пробормотал летчик.

– А как оно выглядит? – заинтересовался диспетчер.

– Как топор...

Сделать обстоятельный доклад "Ярославлю" Глеб не успел. И сманеврировать не успел – все произошло слишком быстро, даже для него, привыкшего к жизни на сверхзвуке.

Перед носом самолета вдруг словно открылось окно в небе, самолет с разгону влетел туда, дернулся, словно пробил невидимую преграду. Приборы мигнули... Потом еще раз – и сдохли!

– Песец! – сказал Женька. И оказался прав на все сто. Это был именно он – полярный лис с Чукотки со всей своей пушистой родней. На высоте около трех километров двадцатитонная «ласточка» сорвалась в штопор...

На современных машинах «штопор» – это не фигура высшего пилотажа, а самый быстрый и верный способ угробиться. В здравом уме и твердой памяти ни один авиатор машину в штопор специально не загонит, а уж если такое случилось, надо срочно катапультироваться. Хотя из этого положения катапультироваться тоже хреново... но все же какой-то шанс. Однако, ни Самара, ни, тем паче, Кореец, даже не подумали о катапульте. Бросить ТАКУЮ машину?!!

Вцепившись в штурвал, Самара изо всех сил рванул его на себя, преодолевая дикую тяжесть собственного тела, вдавившую его в кресло. За полторы минуты этого безумного боя земля и небо столько раз поменялись местами, что нынешняя их свистопляска уже не имела особого значения, Глеб все равно не мог сориентироваться ни визуально, ни по приборам... А компьютер после встречи с «летающим топором», похоже, был в коме. Говорят, в такие минуты вся жизнь проходит перед глазами, и человек понимает что-то важное... На кой черт человеку это важное, если жизни той осталось ровно полтора вдоха? Даже не помолиться толком. «Отче наш» – штука не длинная, а все равно длиннее, чем свободное падение огромной железной птицы с высоты трех тысяч метров.

...Оля, прости. Я был не самым лучшим мужем. Наверное, ты была права, я тебя и в самом деле не любил. Хотя думал иначе. Ты правильно сделала, что ушла, это было лучше для всех. И для тебя, и для сына. А мне, как выяснилось, уже ничего не нужно. Мама, машину твою я так и не посмотрел, а ведь сто раз обещал. Наверное, там и поломки-то на рыбью ногу, а теперь тебе в сервисе всю кровь выпьют. О чем я думаю?

– Самара, ты что, обалдел? – ворвался в сумбурные мысли полусорванный хрип Корейца, – приходи в себя, сейчас нам п...ц будет!

– Он уже пришел, – спокойно, отстраненно подумал Глеб. Ни на что не надеясь, просто для очистки совести еще раз трепыхнулся... И чуть не умер от удивления. Ласточка подчинилась так легко и охотно, словно и не она несколько секунд назад изображала из себя грудку неуправляемого металлолома. Самару мотнуло назад и вжало в спинку кресла, гул в ушах стих. Небо и земля потихоньку возвращались на место... Приборы мирно светились, все было просто на удивление идеально.

– Режим «висения», – бросил Самара.

Ласточка послушно зависла в каких-то сорока метрах над землей. Глеб попытался сориентироваться на местности.

– Ни фига себе пельмень? – вырвалось у него вопреки привычке не засорять эфир.

Под брюхом «птички», насколько хватало взгляда, протиралась какая-то ерунда типа лесостепи и блестела излучиной неширокая река. Даже мосточек какой-то через нее был.

– Самара, – раздался в наушниках изумленный голос Жени, – а где море?

– Хотел бы я знать, где мы сами, – отозвался Глеб.

– А что навигатор?

– Связи со спутником нет. Ни координат, ни погоды.

– А как считаешь ты? – тихо, как-то неуверенно поинтересовался Женя.

– В уме, – признался Глеб, – когда сильно большие цифры – в столбик.

– Связи так и нет?

– Нет...

– И что будем делать?

– Хороший вопрос, – усмехнулся Глеб.

Больше всего тянуло развернуться, и рулить назад, на базу. Но болтаться в небе наугад, спрашивая дорогу у встречных уток, было не самой лучшей идеей. Во-первых, мать ее, секретность. Нельзя приземлиться на ближайший пятачок у сельпо и попросить у прохожего мобилник. Не на машине, которой, строго говоря, пока не существует. Во-вторых, экономия... и кризис, туда же его, тем же самым и по тому же месту. Всем хороша Ласточка, но топливо она кушает с ба-а-альшим аппетитом. Расход у нее такой, что впору всерьез задуматься, что лучше – воевать на нем, или продавать потенциальным противникам, чтобы спровоцировать у них энергетический коллапс. В нормальном режиме эксплуатации самое верное – подвести нефтепровод прямо к бакам. А поскольку режим у нас от нормального далек, заправляют как могут – только чтобы положенное полетное время в воздухе продержалась. Полных баков Ласточка с рождения не видела, а сейчас... Глеб взглянул на приборы и убедился в правоте своей догадки: «керосинчику» осталось минут на двадцать полета, а дальше хоть пешком иди.

– Не нравится мне эта картинка внизу, – пробормотал Глеб, – какая-то она неправильная.

– Ясен пень, – подтвердил Женя, – откуда тут лес?

– Да я не о том, – Глеб замылся, подбирая слова, – если принять во внимание, что бой мы приняли над морем, то леса тут, конечно, быть не должно. Но даже если допустить, что он тут очутился... каким-то образом...

– Казанской Богоматери, – съязвил Женя.

– Неправильный лес, – наконец оформил свою мысль Самара, – Дикий. Где просеки? Вырубки? ЛЭП?

- Глеб? – перебил Женя, – скажи, только честно – ты хоть что-нибудь понимаешь?
- Теорему Пифагора – да, – отозвался Самара, – а теорию относительности уже не очень.

Что, конкретно, тебя интересует?

- Меня интересует что, конкретно, мы сейчас собираемся делать?
- Странный вопрос, – пожал плечами Самара, – садиться собираемся, что ж еще.
- Сядем, а потом?
- По обстановке.

2. Господа офицеры

**«У самовара я и моя Маша,
А за окном совсем уже темно».**

– Госпожа Петухова, утро доброе, – пожилой импозантный господин в солидном костюме, с неизменной тросточкой, чуть приподнял котелок, приветствуя даму в бледно-желтом платье.

Та кивнула, подарив ему сердечную улыбку. Пожилой господин проводил даму долгим взглядом – она этого вполне заслуживала, курпулентная была дама, и, помахивая тросточкой, двинулся вдоль по Садовой. У мостика через канал Грибоедова томился в ожидании молодой щеголь с букетом астр. Томился, видимо, уже давно: букет выглядел так, словно им пытались вымести пол в трактире, а перед этим долго несли под мышкой. Ветреная красотка, похоже, пообещала – и не пришла.

Солидный господин остановился у перил и обратил скучающий взгляд на воду, неторопливо бегущую под мостом.

– Не подскажите, который сейчас час? – обратился к нему несчастный кавалер, уставший ждать.

Пожилой господин неторопливо достал из внутреннего кармана дорогой швейцарский брегет на цепочке, откинул крышечку.

– Четверть одиннадцатого, сударь, – вымолвил он, покосился на букет и в сомнении добавил, – похоже, ваша дама забыла о свидании.

– О, нет, – возразил кавалер, – она обязательно придет. Должно, не сумела поймать извозчика...

Эту фазу он произнес как-то странно, словно не отстаивал достоинства своей возлюбленной перед незнакомым пожилым занудой, который влез, куда не просят, а отработывал некий обязательный ритуал, который давным-давно навяз у него в зубах. Точно так же как и ожидание на этом мосту, лениво бегущая вода и этот трижды клятый букет.

Пожилой господин в солидном английском костюме смотрел на воду так строго, словно она была проштрафившимся чиновником в его департаменте.

– Вы вызвали меня так срочно, – негромко проговорил он, – означает ли это, сударь, что вы готовы отработать, наконец, вознаграждение, персланное вам авансом?

– Гельсинфорс, – бросил кавалер.

Господин смерил его недоверчивым взглядом.

– Рискованно, – пояснил он, – приграничная область. Там просто кишат агенты всех мастей.

– Русак сообщил, что они забрались в жуткую глушь. Несколько миль глухого высокого забора, утыканного предупредительными табличками: попытка проникновения карается десятью годами отсидки.

– И на этом заборе гроздьями висят англичане, французы и наши ребята из приграничного округа! – с досадой сказал пожилой.

– Русак сообщил, что пока никого не видел.

– Хорошо, – кивнул господин, – допустим. Жизнь – странная штука, иногда в ней такое случается, что никакой романист не придумает. Может быть и так. А кроме забора Русак что-нибудь видел?

– Слышал, – кавалер понизил голос и невольно оглянулся.

– Прекратите, – поморщился пожилой, – вы ведете себя как шпион в дешевой театральной постановке. Здесь никого нет. Так что ж такого услышал Русак?

– Там работает плавильная печь. Причем, если судить по тому, сколько топлива ей требуется, она работает сутками.

– Плавильная печь? – по-настоящему удивился пожилой господин, – за каким чертом им понадобилась плавильная печь? Я мог бы понять, если бы там взрывали или стреляли – но это?! Русак не ошибся?

– Не думаю, – покачал головой кавалер, – он был довольно близко.

– Был? А где он сейчас?

– Пришлось срочно удирать.

– Черт! – несолидно выругался его собеседник, – ваша веселая компания хоть что-то может сделать хорошо, чтобы не пришлось потом исправлять?

– Губернатор Нижнего не жаловался, – бросил кавалер.

Пожилой господин сморщился, словно раскусил лимон.

– Помощь нужна? – спросил он, явно через силу, – или сами справитесь?

– Помощь... в чем? – уточнил кавалер.

– В том, чтобы туда вернуться и выяснить подробнее, какие черти там веселятся, и для чего им плавильная печь.

– Э, нет, – решительно мотнул головой кавалер, – уговор был – только отыскать, где эти ребята свили новое гнездо. Мы его выполнили.

– Если вы не ошиблись, и это и в самом деле они.

– Здесь ошибка исключена. Русак хорошо запомнил полковника. Больше мы ни о чем не договаривались. Надеюсь, вы тоже сдержите свое слово, господин Соболев? И нам не придется напоминать вам об уговоре... в нашей манере?

Тот недовольно поджал губы.

– Угрозы излишни, господин Энгельгард. Я – офицер. Пока смертная казнь отложена. В течение месяца будет либо Высочайшее помилование... что сомнительно и крайне нежелательно...

– Нас вполне устроит побег, – пожал плечами кавалер и, бросив надоевший букет в воду, коротко поклонился.

Пожилой господин внимательно наблюдал, как пересекает трамвайные пути и, заслышав колокольчик, ловко прыгает на подножку, и исчезает в сутолоке столицы Павел Энгельгард, профессиональный революционер, убежденный враг престола, заочно приговоренный к десяти годам каторги... и, похоже, только что оказавший неоценимую услугу Российской Империи.

...Глеб открыл глаза и с удовольствием потянулся. Просыпаться не «по звонку», а вот так, когда сам захочет, и твердо знать, что «губы» за это не будет, а, наоборот, будет завтрак: крепкий чай из самовара с хрустящими французскими булками, маслом и медом – до сих пор было для него чем-то диким и нереальным. Более нереальным, чем это невероятное происшествие с ним и Корейцем и весь этот мир вокруг.

Мужчина огляделся. Его обступало прошлое. Бревенчатые стены, не заделанные никакими панелями, не оклеенные обоями, а оставленные так, в своей первоизданной красоте. Две высокие железные кровати «с шариками», а между ними расписанный в красно-зеленые узоры сундук с огромным языком замочной петли. Над соседней кроватью, где все еще дрых Кореец – явно самопальный, но очень аккуратный коврик – картина Шишкина «Утро в сосновом бору». Рядом – светлый квадрат. Возможно, от разбитого зеркала. Согласно примете, разбитые зеркала в доме не держали. На полу – пестрые дорожки. В уголке здоровенный, украшенный резьбой комод с гнутыми медными ручками. И – круглая печь, сейчас, понятно, холодная. Вообще-то, если, как призывал незабвенный Козьма Прутков «зреть в корень», ничего шокирующего в этой обстановке не было. В отдаленных деревушках, забытых Богом и дорожными строителями, до сих пор встречались такие комнатки с точно такими же кроватями и печками. Да и в

музеях Глебу подобное «зреть» доводилось не раз. Но эти вещи не были отгорожены красным бархатным шнуром. На кроватях они с Корейцем спали, в комоды были аккуратно разложены их вещи. А расписной сундук был приглашающее пуст – приходи кто хошь и клади что хошь...

В первые дни Глеб, просыпаясь, искал мобильник, чтобы посмотреть, который час. Сейчас он почти привычно взглянул на старинные часы-ходики и так же почти привычно чертыхнулся – ходили они по забору. Аня забыла подтянуть гирию. Вернее, не забыла. Девчонка... горничная, или кто она тут... в общем, «принеси, подай, поди на фиг не мешай», откровенно побаивалась странных пришельцев и лишней раз в их комнату старалась не заходить. Что не мешало ей так же откровенно стрелять глазами в Корейца.

С наслаждением ступая босыми ногами по теплому дереву, Глеб подошел к окну и, отодвинув легкие занавески, распахнул приоткрытую форточку настежь. В окно тут же ворвались звуки и запахи, закружившие голову: скрипел колодезный журавль, беззлобно перекрикивались мужички, кажется, чинившие телегу. Или, что вернее, пытавшиеся ее доломать, чтобы с чистой совестью отчитаться перед хозяином, что сделать, мол, ничего нельзя, машина ремонту не подлежит... и пойти пить водку. Все как везде. От реки, прятавшейся в камышах, тянуло сыростью. А еще пахло дымком. Глеб уже научился выделять этот запах – на террасе Андрей растапливал шишками огромный самовар. Значит, проснулся Самара в аккурат к завтраку.

– Женя, – тихонько позвал он, – спишь?

– Нет, – буркнул напарник.

– А что делаешь?

– На горных лыжах катаюсь, – буркнул напарник и рывком сел на кровати, – по-моему, это очевидно.

– А, по-моему, у тебя отвратительное настроение, – заметил Самара, – интересно, кто успел тебе его испортить? Я не мог, потому что ты только что проснулся. Похоже, кто-то это сделал во сне?

– Еще бы, – Кореец поежился, – такая дрянь приснилась! Будто сижу я в каком-то подвале без окон без дверей. Почему-то в белой рубахе, зеленых штанах и старых кирзачах, навряд ли тех, которые у моего дедушки в чулане хранились. Я связан по рукам и ногам и какая-то фашистская рожа в золоченом пенсне склоняется надо мной и так, знаешь, спокойно, уверенно спрашивает... где стоит часть генерала Звоницкого, сколько у него бойцов, лошадей и фуражу... А если я не отвечу, говорит, меня будет спрашивать другой «специалист», и у него я буду говорить. Правда, сначала я буду кричать, а потом – стонать, но в промежутке я скажу все, что интересует этого придурка. Так что лучше мне сделать это прямо сейчас, тогда меня быстро и без затей расстреляют! – Женя возмущенно фыркнул.

– Да-а, заманчивое предложение, – усмехнулся Глеб, – должен сказать, этот твой, в пенсне... как менеджер мог бы сделать неплохую карьеру. Как его, бишь?

– Да никак! – зло отозвался Кореец, – и вообще, это всего лишь дурацкий сон... Но он почему-то здорово подпортил мне жизнь, – помолчав, признался он.

– Не переживай. Моя бывшая жена говорила, что сны сбываются только по средам и пятницам, а сегодня четверг. И нас ждут круассаны. Хотя я предпочел бы чашку кофе и сигарету.

– Попроси у графа, – буркнул Кореец, – думаю, у него найдется и то и другое.

– Как-то неудобно...

Господа авиаторы неторопливо одевались.

– Интересно, – сказал вдруг Женя.

Проследив за его взглядом – от светлого пятна на стене до темного угла рядом с комодом, Глеб заметил, что из-за тяжелой деревянной дуры высовывается уголок деревянной рамы.

– Очень интересно, – повторил Женя. Он присел рядом с комодом и осторожно вытянул за угол фотографию.

– Ого! – вырвалось сразу у обоих.

– Вот это девочка, – добавил Женя, рассматривая портрет, так странно обретенный за комодом. С листа плотного картона на них смотрела девушка. Вернее, совсем еще девочка, подросток. Лет пятнадцати, не больше. В симпатичном беленьком платье, с черными кудряшками, взбитыми и уложенными в совсем взрослую прическу. Узкое лицо было неправильным, но привлекательным, возможно, благодаря яркому рту, сложенному в дежурную «фотографическую» улыбку. А вот взгляд был совсем не детским: твердым, властным и настолько внимательным, что от него хотелось спрятаться под кровать.

– Ну и глаза, – проговорил Глеб, – не хотелось бы мне стать врагом этой малышки.

– Точно, – согласился Женя, – порвет на тряпки. Как ты думаешь, кто она? И почему ее фотография валяется за комодом?

– Валяется? – усомнился Глеб, – скорее, спрятана.

– От нас? – поразился Женя.

– Нет. Просто с глаз долой.

– Из сердца – вон?

– Думаю, это родственница нашего гостеприимного хозяина. Скорее всего – дочь. Или племянница.

– Почему ты так решил? – улыбнулся Женя.

– Ну, во-первых, они похожи. Во-вторых, это фото, а не картина. Значит – сравнительно недавнее.

– Не скажи, – запротестовал Женя, – фотография в России появилась в 1840, так что это вполне могла быть матушка хозяина. Или его тетушка.

– Фотография не старая, – возразил Глеб.

– Да иди ты, – решительно не согласился Женя, – это наши фотки из автомата через три – пять лет уже годны только в помойку. А раньше фотографии качественными делали. Бумага плотная, серебра много. Они знаешь как хранились?! У нас в семейном альбоме есть фото моего прадеда в форме царской армии со всеми регалиями. В 1904 году сделано. Так даже не пожелтело!

– Хорошо, уел, – согласился Глеб, – не знал, что ты так разбираешься в фотографии. А на счет того, почему портрет спрятали, версии есть?

– Ну... – протянул Женя. Было видно, что ему приятна похвала старшего товарища и очень хочется с разгону выдать что-то этакое, чтобы закрепить свои достижения на ниве дедукции. Только его гений, похоже, взял отпуск.

– Может быть, она умерла. От чахотки или пневмонии. Раньше от этого часто умирали.

– И любящий отец немедленно поспешил избавиться от всех ее вещей? – Глеб покачал головой, – Брось. В этом случае он скорее соорудил бы ее мавзолей, и каждый день ходил к нему с цветами. Нет, приятель. Чует мое сердце, что здесь совсем другое что-то...

В этот момент в дверь постучали негромко, деликатно, но как-то очень по-хозяйски.

– Да! – подал голос Глеб, увлеченно рассматривая портрет так поразившей его девочки.

– Господа, – послышалось из-за двери, – вы уже проснулись?

– Заходи, Анята, – по-простецки бросил Женька, которому все эти сословные заморочки были до одного места, – Мы оба уже в штанах.

За дверью хихикнули. Потом она все же приоткрылась на одну створку. Глеб обернулся.

– Ой! – испуганно пискнула Аня, увидев, что гость вертит в руках, – Как вы это?.. Простите... Я забыла убрать портрет из комнаты, когда готовила ее для вас. Если хозяин узнает об этом...

– У тебя будут проблемы?

– Что у меня будет? – не поняла Аня.

– Ну, неприятности. Он будет тебя ругать? Успокойся, мы не скажем, что нашли портрет. Но... кто это?

– Это? – девушка широко распахнула удивленные глаза, – Это Мария Даниловна. Ой! – Аня испуганно зажала рот ладонью, – но вы ведь и сами догадались, правда?

– Ну, почти, – дипломатично ответил Женя, – так что, нас ждут у самовара?

Аня торопливо кивнула и исчезла, не забыв послать Женьке весьма горячий взгляд.

С открытой веранды большого особняка господ Адонаньевых открывался изумительный вид на заливные луга и крутой изгиб реки. На дальнем берегу стеной стоял небольшой, но коварный лес, где в прошлом году пропали двое крестьян... правда, оба по пьяному делу, но, как справедливо рассудила народная молва, без нечистой силы тут тоже не обошлось.

Самовар царем стоял в самой середине большого круглого стола, покрытого белой ска-тертью, аж хрустевшей от крахмала. Булки лежали горой на большом плоском блюде, а в доба-вок к меду и маслу были и тонко нарезанная ветчина, и колбаска, и два или три вида варенья. Компания красных чашек с петухами толпилась на краю стола. Блюдца к ним были попроще, тоже красные, но без петухов. А ложечки – серебряные.

– Милости просим, ваше превосходительство, откушайте с нами, что бог послал.

– Благодарствую, – степенно ответил солидный мужчина в темном двубортном костюме, откладывая в сторону английскую трость.

– Какими судьбами в наши края? Просто повидаться, или... – граф Данила Адонаньев недоговорил, с сомнением глядя на своего старинного приятеля.

– Повидаться, – охотно подтвердил генерал Соболев, подвигая к себе чашку с ароматным чаем, – новостей для вас у меня нет. И от вас, дорогой мой, никаких новостей по этому делу я не жду. Чай, не японцы какие, понимаем.

– Да какие там новости, – огорченно махнул рукой Данила Афанасьевич, – как прошлой весной была в последний раз, так и сгинула. Ни весточки, ни слова. Верите, лишь из газет и узнаю, что жива. Хотя, там такое пишут, что иногда думаю, может лучше и не знать совсем...

– И хорошо, что жива, – гость с удовольствием пригубил чаек, и впрямь великолепный, Наталья заваривала его с травами по своему собственному рецепту, – будет жива, даст бог, будет когда-нибудь и умной.

– Ох, я уж и не надеюсь.

– И напрасно, – убежденно возразил Соболев, – необратима только смерть. А все осталь-ное может в один миг перемениться так, что и не придумаешь.

Граф покачал головой. И верить хотелось. И, вроде бы, умные и правильные вещи гово-рил старый друг семьи Адонаньевых. А здравый смысл протестовал. Ведь Данила Афанасьевич знал Марию лучше всех. И знал, какой она может быть упрямой. Особенно, если чувствует за собой правду.

Только вот откуда могло взяться это чувство? Ведь никакой правды за ней не было и быть не могло. Однако поди ж ты... Или он слишком стар и чего-то не понимает?

– Данила Афанасьевич? – деликатно напомнил о себе гость.

– Ох, простите... Что-то я задумался. А вы, Петр Андреевич, о чем-то спросили? Я и не услышал.

– Спросил о том, не скучно ли тут, в деревне, столь блестящему уму?

– Ну, не Париж, конечно, и не Берлин. Да что там! Вы пробуйте варенье, яблочное в этом году особенно удалось.

– Варенье обязательно, – согласился генерал, – и яблочное, и клубничное.

– Хм, – «блестящий ум» с сомнением поглядел на генерала, с энтузиазмом налегающего на его простые, деревенские угощения. И это после Кюба и Англетера, – Сдается мне, друг мой, приехали вы все же не просто с визитом.

– Вас не проведешь, – сдался Соболев и с облегчением отодвинул от себя вазочку с варе-ньем, которого с детства терпеть не мог, – Действительно, приехал я к вам с делом.

– Маша, – ахнул Данила Афанасьевич.

– Да нет же, – досадливо поморщился гость, – Маша тут совершенно не при чем. Дело совсем другое. И вы нужны мне как консультант.

– Как? – поразился граф, – Но, позвольте... Я ведь ровным счетом ничего не понимаю в ваших э...э... жуликах. Я получил несколько другое образование.

– Вот как раз оно-то мне и нужно. Вы ведь в свое время блистали на математическом отделении физико-математического факультета Крымского университета. Я не ошибся?

Данила Афанасьевич застенчиво улыбнулся.

– На счет «блистал» – не знаю. Но то, что я учился математике и физике у Френкеля и Йоффе, это правда. Не вижу только, чем это-то может вам помочь.

Соболев поморщился, вздохнул. И подвинул к себе тонкий кожаный портфель.

– Хочу, чтобы вы, Данила Афанасьевич, взглянули вот на это. Уж не побрезгуйте...

На стол легла пачка толстой бумаги, вдоль и поперек исчерканная странными рисунками, больше похожими на детские каракули, но сделанными твердой, уверенной и, определенно, взрослой рукой. Рисунки там и тут пересекали торопливо выведенные формулы и столбики вычислений.

– Что вы об этом думаете? – генерал ткнул пальцем в один из рисунков, больше всего напоминающий трамвай... летевший над землей. Точнее, над рельсом. Одним.

– Бред. Кокаиновые грезы, – бросил хозяин, надо сказать, довольно резко и хотел уже, было, отставить всю пачку... Но что-то зацепило его внимание. Он аккуратно отслюнил один листок и поднес к глазам.

Соболев терпеливо ждал.

– Ага... А вот тут... Хм... Знаете, а в этом что-то есть. Теория гравитационного элемента... с привлечением законов термодинамики... Довольно любопытный математический расчет электродвижущей силы, возникающей под действием силы тяжести... Не скажу что он верен... Но что-то в нем есть...

– То есть, вы хотите сказать, что вот это... – за неимением нужных слов генерал обрисовал в воздухе незаконченный эллипс, – оно возможно? И оно будет двигаться? С той скоростью, какая тут обозначена?! – в голосе Соболева, по-прежнему спокойном явно слышались сомнения и, пожалуй... некоторая оторопь.

– Двести верст в час? – Данила Афанасьевич улыбнулся, не прерывая чтения. Ему было совсем не трудно одновременно разбирать каракули неведомого Кулибина, поддерживать светскую беседу и отдавать должное варенью, – нет. Конечно, нет. Это невозможно. Такая скорость в принципе недостижима, ведь воздух, как вы знаете, сам по себе является субстанцией, способной создавать сопротивление. И это сопротивление делает мечту о подобных скоростях несбыточной.

– Вы уверены? – переспросил генерал.

Граф Адонаньев отложил занимательное чтение на край стола и сделал это с заметной неохотой. Было видно, что «столь блестящий ум» и в самом деле соскучился по серьезной работе, и с удовольствием оставил бы эти каракули у себя, почитать на сон грядущий. Но и специфику работы своего гостя он тоже прекрасно понимает, и, посему, не смеет просить. Соболев, знавший своего старого приятеля как облупленного, без труда уловил все эти нюансы и, улыбаясь про себя, предложил.

– Оставьте. Просмотрите на досуге более внимательно и напишете свое заключение по каждой из представленных э...э... штук. Разумеется, ваши услуги будут должным образом оплачены моим ведомством.

– Пустое, – отмахнулся Данила Афанасьевич, расцветая, как роза.

– А вот и мы, – провозгласил Женя, вступая на террасу, – Утро доброе, Данила Афанасьевич. Где моя большая кружка?

Самара появился гораздо тише, поприветствовав хозяина мягкой улыбкой и, увидев незнакомца, послал графу вопросительный взгляд. Граф вежливо встал. Поднялся и гость, неторопливо и с большим достоинством.

– Позвольте представить вам, ваше превосходительство, моих гостей: Глеб Николаевич (тот коротко кивнул) и Евгений Алексеевич. Генерал Соболев, Пятое Делопроизводство, – и, сообразив, что сия загадочная цифра ни о чем не говорит его гостям, добавил, – Военная разведка, господа офицеры.

Те немедленно подобрались, позабыв о булках.

– Не знаю, стоило ли... – в сомнении проговорил генерал.

– Эти господа смогут помочь вам гораздо больше, чем я, – сказал граф и, подавая знак, первым опустился на свое место, – Они... Дело в том, дорогой друг, что они прибыли к нам... из будущего.

В тишине раздался громкий звук: генерал Соболев поперхнулся чаем.

Не вставая с места, Женя постучал его по спине.

– Благодарю вас, молодой человек, – прокашлялся Соболев. Обведя всю компанию внимательным взглядом, он был вынужден признать, что никто тут не намерен смеяться над ним, и никто не был похож на умалишенного. Он требовательно посмотрел на своего старого приятеля.

– У меня есть основания им верить, – развел руками Данила Афанасьевич.

– Позвольте узнать, какие?

– Мои крестьяне помогли им вытащить из болота их э... аппарат. Он стоит в сарае. Извольте взглянуть?

3. АНГЛИЙСКИЙ КОСТЮМ – И ПИСТОЛЕТ

«Но спор в Кейптауне решает браунинг И англичане начали стрелять...»

– Примерно... не соврать бы, – Соболев сосредоточенно побарабанил пальцами по массиву письменного стола из дуба, которым, при нужде, вполне можно было подпереть Пизанскую башню, чтобы так уж не клонилась, – Году в девятом на Высочайшее имя пришло довольно забавное письмо от некоего Ивана Семчина, австрийского подданного, но жителя Львова. Он писал государю, что изобрел «машину до уничтоживания неприятельских крепостей, называемую «Обой». Я назвал письмо забавным, потому что этот Иван по-русски писал с большим трудом и такими дикими ошибками, что, понятно, письмо его государю никто не показал. Тем более, что заканчивалось оно тривиальной просьбой дать денег «дабы можно было соделывать модель...»

– Этот неграмотный Иван приложил какой-нибудь чертеж своей чудо-машины? – спросил Самара.

Глебу было очень трудно сосредоточиться на разговоре, потому что окна квартиры, небольшой (по местным меркам) и огромной на взгляд Глеба, выходили на Лиговский проспект. Глеб то и дело отвлекался на то, чтобы посмотреть на неторопливо фланирующих дам под кружевными зонтиками (язык не поворачивался назвать их женщинами или, не дай бог, бабами) и суетливые пробежки каких-то мужичков в забавных головных уборах, похожих на помесь кепки с фуражкой. Из приоткрытого, по случаю летней духоты, окна доносились фыркание лошадей и смачная ругань извозчиков, в которой, не смотря на отменную нецензурщину, все же присутствовал некий столичный лоск... Петербург. Столица Российской Империи.

Этот Петербург отличался от того, который он знал, примерно так же, как ребенок в костюме медведя на утреннике отличается от настоящего зверя, встреченного в лесу. Все было иным. Все было подлинным, большим, давним, вросшим корнями в брусчатку мостовой и гранитные набережные. Это был именно Санкт-Петербург, а не бывший Ленинград. И это было для Глеба странным и непривычным. В деревне, у Данилы Афанасьевича, эти различия все же не так шибали по мозгам.

– Если это можно так назвать, – скривился Соболев, – вы же видели эти каракули? К ним прилагалось описание... Такой билиберды не изобретал даже месье Жюль Верн в своих романах! Естественно, технический комитет Главного Военного Управления, рассмотрев эти, с позволения сказать, чертежи, признал модель утопической и в просьбе отказал.

– Угу, – кивнул Глеб, догадываясь, что последует за этим.

– Неграмотный Иван оказался достаточно ушлым, чтобы пропихнуть свою идею кайзеру, – кивнул Соболев, – ну а тот, похоже, решил, как наш дорогой Данила Афанасьевич, что: «что-то в этом есть».

– Все это понятно, – влез Женя, которому надоело сидеть в углу, как примерному мальчику, и помалкивать, пока старшие занимаются важным государственным делом: толкут в ступе воду, – кайзер дал изобретателю денег и модель он «соделал». Видимо, удачно. Но при чем тут...

– Да не мог он ничего «соделать» – с досадой отозвался генерал. – Год назад он погиб.

– Сам?

– Странные вопросы вы задаете, юноша, – пожал плечами Соболев, – разумеется, помогли. Не могли же мы допустить, чтобы ЭТО... вылезло откуда-нибудь из-за кустов на наших солдатиков.

– Да уж, – поежился Глеб, разглядывая фантастический рисунок, изображающий... наверное, танк – а как это еще можно было назвать?, на шести паучьих лапах, бодро перелезающий через овраг и, между делом, постреливающий сразу из четырех крупнокалиберных пулеметов. Краем глаза Самара заметил, что явился вышколенный денщик и накрыл стол к ужину. Приборов он поставил три, значит, «господа офицеры» были приглашены, а сам денщик – нет. Субординация, однако! Женя шумно обрадовался крепкой ухе и, гораздо тише, небольшому графинчику с прозрачной жидкостью.

Глеб перевернул лист – и замер, потрясенный, на какое-то время даже выпав из реальности.

– Кореец, – севшим голосом позвал он, безжалостно обломав Женьке весь кайф от обоняния свежесваренной ухи, – смотри! Тебе это ничего не напоминает?

– Мать моя... достойная женщина! – ахнул Женя.

Рисунок изображал самолет, а вернее, аэроплан начала прошлого века: хрупкую фанерную конструкцию с винтом спереди и пулеметом сзади. Судя по двум парам крыльев, это был биплан, а проще – этажерка.

Брат-летун, похоже, основательно влип. Спереди его атаковал до боли знакомый «летающий топор». И еще один, его брат-близнец, заходил в хвост...

– А эта-то хрень здесь откуда? – отмер Женька, переводя изумленный взгляд с Глеба на генерала.

– Я бы тоже хотел это знать, – пожал плечами тот, – легко отдал бы остатки волос за любое количество достоверной информации.

Погладив начинающую лысеть макушку, Соболев кивком пригласил гостей за стол.

– Я бы отдал и больше, – задумчиво проговорил Глеб. – Этот летающий топор – очень странная штука. Мне не отделаться от мысли, что в том, что мы оказались здесь, виноват именно он. И если удастся заполучить его... может быть, получится... отыграть все обратно.

Женька, все еще в шоке, только кивнул, выражая полнейшее согласие.

Генерал обвел обоих **ОЧЕНЬ** внимательным взглядом.

– Похоже, мы договорились, – резюмировал он.

– Договорились – о чем? – с набитым ртом спросил Женя.

Самара переспрашивать Соболева не стал, похоже, их с генералом мысли текли в одном направлении.

– Здесь есть одна проблема, – заметил он, – Ни я, ни мой друг не знаем немецкого.

– Совсем? – уточнил генерал.

– Хенде-хох и Гитлер капут, – хихикнул Кореец.

– Кто такой Гитлер? – удивился генерал, и, не получив ответа, махнул рукой, – ладно, пока это не важно. Французский?

Оба авиатора синхронно покачали головами.

– Английский. Свободно.

– Ну, английский вам там не понадобится, – сказал Соболев.

Звук, который вклинился в разговор, оказался низким, монотонным гудением на пределе слышимости. Кореец насторожился, не понимая, что такое. Встрепенулся и Глеб. Соболев остался спокоен, хотя он-то как раз все услышал и понял. Но, не счел нужным прерывать ради странного звука свой обед.

Звук прервался внезапно, а через несколько секунд за плечом генерала бесшумно возник денщик.

– Вызывают, Ваше благородие.

– Я занят.

– Простите, но это Эрман.

Соболев сдвинул брови и, чуть резче, чем необходимо, отодвинул тарелку.

– Прошу меня простить, господа. Дела.

Дверь в столовую он прикрывать не стал, и господа авиаторы, невольно наострившие уши, отчетливо слышали разговор, который, похоже, никто и не собирался от них скрывать:

– ... Вот как. И где? В «Сорреле»? Ах, у Панаева... И что, там и в самом деле стреляли? Из английских пистолетов? – Глеб с Корейцем переглянулись, похоже, в столице творилось что-то интересное, – И что? Ага... Говоришь, половой помог? А он... Да, я помню эту историю, конечно, смелый парень. И где теперь эти, с английскими пистолетами?.. – генерал помолчал, вслушиваясь в доклад невидимого собеседника, – Это плохо, – резюмировал он, – а сам господин... князь? А, в участке?! А вот это хорошо. Это, милый мой, очень хорошо. Надеюсь, ему не дали понять, что его инкогнито, как бы это помягче сказать... давно уже не инкогнито? Хорошо. Ну ладно, спасибо за новости. Что? За плохие тоже. За плохие – в особенности. Благодарю за службу.

– Что-то случилось? – спросил бесцеремонный Кореец, когда генерал вновь появился в столовой.

– Хорошие вести, господа. Похоже, мне только что удалось купить вам билет до Берлина в мягкий вагон. И на счет английского... Похоже, дорогие мои, я глупость сморозил. Так то.

Высочайший указ 1907 года строжайше запрещал иметь в трактирах граммофоны, «ради сохранения тишины и благонравия»... Но где вы видели трактир без граммофона? И кто, скажите ради бога, пойдет в такой трактир, пусть даже поесть щей с потрохами в нем можно на две копейки? Нет, господа, дураков ищите в другом месте. Просто так пожрать можно и у себя в столовой.

Трактир «Старое место» на Песчихе был правильным заведением. Без музыки его посетители не обедали, не говоря уже об ужине, когда наряду с балычком и раками здесь можно было насладиться даже звучанием румынского или еврейского оркестрика.

А граммофон был знатным – с большой блестящей трубой и мощной пружиной. И запас пластинок – немаленький, на любой вкус. От увертюры к «Тангейзеру» до матерных частушек.

Давешний «кавалер», благополучно избавившись от букета, заодно отделался и от образа верного, но пренебрежительно отставленного кавалера. Небрежно бросив на лавку потрепанный лапсердак и оставшись в серовой косоворотке и простых штанах, заправленных в сапоги, он с аппетитом наворачивал вчерашние щи с требухой, поданные ему хамоватым половым... Половому, он, кстати, не теряя спокойствия, нагрубил в ответ, не лишившись при этом ни настроения, ни здорового молодого аппетита.

...Кто бы мог предположить каких-нибудь пять лет назад, что потомок древнего рода, бывшего в родстве с князьями Тверскими, выпускник Университета и самый завидный кавалер на сто верст вокруг, сможет так спокойно обходиться не то, что без фиалки в петлице, а и без самой петлицы. Да и без многого другого. Правду говорят: «какова шерстка, таков и зверь».

Порубать щец – это было важное, но не единственное дело. И даже не главное. В "Старом месте" частенько назначали встречи неблагонадежные элементы – уж больно удобно: зал просматривается хорошо, а в случае чего есть целых два запасных выхода на две разные улицы.

Паша ждал третьего члена группы. Но вместо него неожиданно появились совершенно другие личности. Заметив кривое отражение одной из них в блестящем боку самовара князь слегка удивился. Что здесь делали чистокровные британские моряки, которых он успешно скинул с хвоста еще в Гельсинфорсе?

Или не слишком успешно?

Посетители трактира деловито стучали ложками, не забывая прикладываться к графинчикам, а князя незаметно и грамотно "брали в клещи". Он насчитал четверых, а, значит, как минимум – еще двое сторожат на улице.

Не меня выражения лица, сытого, расслабленного и, решительно, всем довольного – Паша положил ложку и хлеб и достал браунинг калибра 7,65.

Князь отлично знал своих оппонентов – настоящие волки, наглые, бесстрашные и очень умелые. У него было, максимум, два прицельных выстрела. А потом придется срываться, бежать, сшибая стулья, палить в белый свет, как в копеечку, словом – бестолково суетиться.

Самовар подарил ему две бесценные секунды. Их надо было использовать с толком.

– А вы уверены, что это мой размер? – с сомнением протянул Глеб, тщетно стараясь рассмотреть свою спину в небольшом круглом зеркале, – Подмышками тесно. И брюки как-то неудобно сидят...

– Помилуйте, ваше благородие! – почти оскорбился портной, – лучшее ателье столицы! Поставщик Его Императорского Величества.

– Ну, Императору, может, и сойдет, – ляпнул бестактный Женька, – ему в этом только стоять в короне. Ну, в крайнем случае, сидеть. А нам бегать и лазить придется!

– Костюмы сидят как влитые, – оскорбленный до глубины души портной выпрямился, намереваясь, видимо, облить ничего не понимающих клиентов холодным презрением и гордо удалиться, но тут вмешался Соболев.

– Петька, не дури, – слегка морщась, произнес он, и обиженный портняжка немедленно замолчал, – сделай так, чтобы господам было удобно.

– Но если углубить пройму и расширить в бедрах, костюмы будут выглядеть мешковато.

– Не страшно, – улыбнулся Самара, – нам в них не девушек охмурять.

– Как скажете, – Петька демонстративно отряхнул руки, – хозяин – барин. Изделие номер два. Прошу меня простить, но у нас ТАКОГО не шьют. Так что пришлось купить в мастерской у мадам Катинной, – портной скривился так, словно был вынужден выругаться матом в присутствии учениц Смольного института.

– Мадам, наверное, увидев тебя, решила, что к ней заявился сам апостол Петр и принес ключи от рая, – посмеиваясь, предположил Соболев.

– Понятия не имею, что она там подумала. Я в это сомнительное заведение не хожу. Я послал приказчика.

– Давай, не жмись, – Женька с интересом потянулся к свертку, который терпеливо дожидался своей очереди на краю огромного стола и сунул в него свой любопытный нос.

Первым делом из свертка появились башмаки. Несколько грубоватого фасона, похожие на древние футбольные бутсы: высокие, на шнуровке и небольшом каблучке. За ними – длинное и довольно скверно сшитое шерстяное платье мышиного цвета...

– Шарман, мля, – прокомментировал Кореец.

– По-моему, в этом можно только мусор выносить. И то по ночам, – оценил Глеб.

– Что за клиент, – посмеиваясь, проговорил Соболев, – ничем ему не угодить! Что вас не устраивает на этот раз, господин Рагозин? Обычное платье женщины сословия крестьянского, либо мещанского. И размер ваш.

– Да все устраивает за тремя исключениями. Я – не крестьянин, не мещанин, и, тем более, не женщина.

– Это поправимо, – сказал невозмутимый Соболев и, посмеиваясь, поманил к себе портного. А тот, неторопливо выудив из наполовину распотрошенного свертка еще один предмет, шагнул к Глебу и, забавно щурясь, предложил:

– Извольте разоблачиться, ваше благородие.

– Что? – поперхнулся Глеб. На его лице отразился экзистенциальный ужас.

– До пояса, – уточнил портной. Господа авиаторы все же разглядели, что именно портной держал в руках. Это было одно из пыточных изделий, все еще сохранившихся, не смотря на волшебные лучи доктора Рентгена и фотографии, показавшие всему миру, что происходит с

печенью, селезенкой, желудком и прочими внутренними органами женщины, когда их сдавливает ЭТО!

– Корсет! – ахнул Женька, – чтоб мне пропасть, это корсет. И что, вы намерены упаковать Глеба туда?

– Не вижу другого способа сделать мужчине бюст.

– Бюст – это ботва, – отмахнулся Женька, – но куда вы денете его... Тут же стальная пластина, кажется... или кость. Все между ног перетянута.

– Не волнуйтесь, это мы отрежем, – отозвался портной, извлекая из того же свертка устрашающих размеров ножницы. Глеб, что называется, сбледал с лица, – Я имел в виду, от корсета отрежем, – быстро поправился портной. Женька бестактно заржал, и, через секунду, Самара присоединился к нему.

– А вы уверены, что сможете его туда упаковать, – с сомнением протянул Соболев, сравнивая довольно крупного летчика и изящные размеры корсета.

– О, не сомневайтесь, – уверенно ответил портной, – не таких упаковывали. И в гораздо меньшие объемы.

– А дышать я смогу? – уточнил Глеб, стаскивая рубаху.

– О да, – заверил его портной, – если неглубоко и не слишком часто.

...Это было больше всего похоже на то, как добросовестная хозяйка взяла за углы кухонную скатерть и, как следует, встряхнула ее, чтобы не осталось ни крошки.

Фон Шромберг уже собравшийся уезжать, и внимательно следивший с крыльца за шофером, выгоняющим авто, полетел с этого крыльца кубарем в ровно подстриженную траву. Пенсне треснуло, а окрестности огласил длиннейший и заковыристый немецкий мат. Шофер, молодой солдатик второго месяца службы, мог бы несказанно обогатить свой лексикон, но, к сожалению, именно в этот момент он был неспособен к науке. Фриц Венс сидел, скорчившись, у заднего колеса и зажимал руками уши. Секунду назад по ним ударила волна мощного взрыва, скинувшая господина полковника с крыльца и заодно разворотившая всю заднюю часть мастерской.

Сквозь пролом были видны обгоревшие стены, покореженные остатки каких-то конструкций и выпуклый бок печи, на первый взгляд, совершенно неповрежденной.

Рядом шлепнулся ботинок. Фриц с недоумением посмотрел на него и парню стало дурно – из ботинка торчала нога, оторванная по самое колено.

Возле полковника появились люди, помогая подняться, интересуясь его самочувствием, на взгляд Фрица, излишне назойливо. К нему, например, никто не подошел. Шромберг отмахнулся от непрошенной помощи и бросился к развороченной стене мастерской.

Внутри все оказалось еще хуже, чем снаружи. Из двух десятков рабочих, трудившихся в мастерской, пострадали все. Насколько серьезно, еще предстояло установить доктору. Но уже сейчас было понятно, что оборудование придется по большей части закупать снова. Печь, которая снаружи казалась неповрежденной, при ближайшем рассмотрении произвела на полковника самое удручающее впечатление: восстановлению она не подлежала.

– Господин полковник... Господин полковник... С вами все в порядке?

Шромберг обернулся, отстраненно отмечая, что головой вертеть как будто больно. Впрочем, это были мелочи. Сущие мелочи в сравнении с катастрофой, которая произошла здесь несколькими мгновениями раньше.

– Что случилось? – спросил он и удивился, каким хриплым, чужим стал его голос.

Грузный мужчина в простой рабочей куртке, испачканной гарью и кровью, пожал плечами.

– Она вдруг взорвалась.

– Вдруг?! – фон Шромберг изо всех сил попытался сдержаться и не повторить свой давешний пассаж, обогатив его новыми словами и выражениями, – Зачем, вообще, было пытаться разогреть печь до такой температуры?

– Но иначе никак, – развел руками его собеседник. Он, похоже, почти не пострадал. Во всяком случае, руки-ноги-голова были целы. Он лишь, время от времени, встряхивал головой, как пес, которому в ухо залетел слепень. Но способности соображать не утратил, – нам нужно изогнуть под нужным углом листы, толщиной в 100 мм (дюймы!).

– А уменьшить толщину брони нельзя? – резковато спросил Шромберг, уже полностью отошедший от взрыва, и прикидывающих, как объяснить кайзеру то, что произошло здесь.

– Если это сделать, машина будет просто непригодна для той цели, к которой я ее предназначил.

– Но за счет скорости...

– Скорость тоже придется уменьшить, – толстяк поморщился, – к сожалению, нам не удалось выжать из существующего двигателя нужную мощность.

– Не понял. Вы же обещали, что нужная мощность будет?!

Полковник не угрожал, но голос его похолодел на несколько градусов и стал колючим, как кусты ежевики.

– Если нам удастся добиться нужной толщины брони, у нас все получится, – убежденно сказал толстяк.

– Пока у вас получилось вот это! – фон Шромберг мотнул головой, указывая на развалины мастерской и развороченную печь, – потрудитесь оказать помощь тем, кому она еще нужна. Остальных похороните внутри периметра.

– Да, – кивнул толстяк, – выпишите пропуск для пастора.

Полковник обернулся всем корпусом, потому что шея немилосердно болела, глаза его, лишенные привычной брони из стекол пенсне, сощурились так, что превратились в две едва различимые щелки.

– Пастора? Может, еще гражданскую панихиду с участием всех родственников покойных? Вы знаете правила? Гражданским запрещено находиться на территории объекта.

– Но не можем же мы похоронить людей без последнего напутствия? – растерялся толстяк.

– Почему? – неприятно удивился Шромберг, – у вас мало лопат? Или тех, кто умеет держать лопаты в руках? Сколько вам нужно времени, чтобы привести здесь все в порядок?

– Десять дней? – не то спросил, не то ответил толстяк.

– Что?!

– Пять, – тут же поправился он.

– Хорошо, – кивнул Шромберг, – через пять дней работы должны быть возобновлены. Это приказ. Посмотрите, в каком состоянии этот болван, мой шофер. Если он жив, то сможет ли вести машину. И – потрудитесь отыскать мои очки.

4. Джеймс Бонд на общественных началах

Лучшее, что может мужчина сделать для женщины – это бросить ее как можно скорее...

Опасения Глеба, что образованный и неглупый Павел Энгельгард не поверит в заокеанского социалиста, борца за свободу и счастье американского народа, угнетаемого капиталистами, да еще с какого-то перепугу арестованного местными жандармами и сунутого в участок... если разобраться – бред ведь редкостный!, – не оправдались. Как и прочил мудрый и циничный мужик, генерал Соболев, «американского революционера» бомбист скушал за милую душу и еще добавки попросил. И всю ночь Самара был вынужден угощать «князя» историями о страданиях простого народа за океаном, о мужественной борьбе своих мифических товарищей, о том, как его чуть не схватили сатрапы и он, уехав на Аляску, пересек по льду Берингов пролив, чтобы оказаться на Чукотке... И все это на безупречном английском, которым он и в самом деле, хвала маме и английской спецшколе, владел вполне прилично. И, слава богу, что не пришлось толкать эту туфту по-русски, иначе Самара точно вывихнул себе мозги, пытаясь не проколоться, и не ляпнуть что-нибудь про мобильный телефон, джинсы или хот-дог. В Америке Глеб не был ни разу в жизни.

– Но ведь у вас республика, – третий час домогался «товарищ», мешая английские слова с русскими, которые Глеб старательно «не понимал», – и права человека. Как же так?

– Пропаганда, – пожимал плечами Самара, чувствуя неизъяснимое наслаждение от того, что мешал с грязью светлый образ американской свободы и демократии задолго до появления самих этих понятий, – гнешь спину на хозяина от рассвета до заката, получаешь сущие гроши, да и то с задержкой. Не зарплата – а батон в нарезке. И еще – инфляция, девальвация и... Да, совсем забыл – у нас еще расизм.

Расизм Павла не впечатлил. В глубине души он и сам не считал чернокожих братьев, еще не полностью слезших с пальм, полноценными людьми. Полное взаимопонимание и доверие было достигнуто только перед рассветом... А спустя часа три, или чуть меньше, «сладкую парочку» с извинениями, принесенными сквозь зубы, проводили до дверей. Где они и расстались. Князя, как особу высокородную, ждал за углом провожатый, невысокий, худощавый парнишка в студенческой курточке и неприметной серой фуражке, каких на этих улицах было множество. Пропустив Павла шагов на двадцать вперед, он аккуратно пристроился следом.

Глеб, как человек самостоятельный, пошел сам и через те же двадцать шагов, только в противоположную сторону, его принял полицейский возок.

«Хвост» Павел обнаружил почти случайно. Князь про себя изумился, но виду не подал. Попав в участок случайно, за драку, пусть даже и со стрельбой, он никак не ждал такого сюрприза, и, выходя из переулка на широкий проспект, проверился больше по привычке... Как оказалось – полезная привычка. Неприметного паренька в студенческой фуражке и чесучевом пиджачке он «скинул» простейшим способом – поймал извозчика, сунул ему двадцать копеек и, соскочив в ближайшей подворотне, с удовольствием полюбовался, как филер проследовал на другом извозчике за пустым уже экипажем. Когда кареты скрылись за поворотом, Павел отлепил спину от прохладной кирпичной стены и, не торопясь, двинулся в сторону Лиговки.

В глухих и неприветливых лабиринтах питерских дворов было еще темно. Ноздри щеко-тал устойчивый запах стряпни, в сыром воздухе он не расходился долго, и Паша не глядя мог бы сказать, в какой из квартир к обеду щи, а где к ужину пирожки с почками. В одном из дворов усердно махал метлой дворник с золоченой бляхой, и Павел постарался шмыгнуть стороной, не

попадаясь ему на глаза: дворники все, поголовно, состояли на жаловании в третьем отделении и охотно докладывали околоточным надзирателям обо всех «подозрительных» господах.

Через четверть часа он негромко постучал в дверь маленькой квартирке под самой крышей. Стук был условлен заранее, поэтому двери открыли сразу, без всяких пошлых вопросов: «кого черти принесли с утра пораньше».

– Павлик! – сдавленный возглас девушка тут же зажала собственной узенькой ладошкой, но большущие серые глаза полыхнули таким счастьем, что утренний гость чуть не сдал назад.

– Здравствуй, Туся, – сделав над собой усилие, князь приветливо улыбнулся, оглядывая саму девушку и ее жилище.

Поторопившись на его стук, Марта толком не оделась, лишь накинула на ночную сорочку шерстяной платок, да сунула ноги в разношенные туфли. Павел машинально отметил, что девушка, как будто, еще больше похудела и побледнела, под глазами прорисовались глубокие тени.

Прислуги Мартуся не держала, так что в ее крохотной квартирке царил «революционный» бардак: книжки, одежда, не вытряхнутые пепельницы – все вперемешку, все не на месте. Мило... но довольно утомительно.

С девушкой Павел познакомился еще в прошлом году, когда, вместе с другими товарищами, готовил побег из тюрьмы для ее сестры Эрны и двух подруг.

Марта и Эрнестина, родом из остзейских немцев, шагнули в революцию прямым из классной комнаты, подхватив «заразу» от своего домашнего учителя, Максима Лютерского, «пламенного барда террора», которого всего год спустя повесили за неудачное покушение на Самарского губернатора.

... Это безнадежное дело Павел тоже помнил отлично.

Новый губернатор сменил на этом посту «либерала» Засядко. Тот больше занимался своим особняком на Казанской, да именем, чем «пресекал смуту». В казну он лазил, как в свой собственный карман, уворованным оттуда делился охотно и щедро со всяким, кто попросит, ездил всюду в открытой карете и без охраны, и никого и ничего не боялся. И ушел на покой «в достатке, почете и счастья».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.